

«ОСЕТИНЫ» ЕЗЕТХАН УРУЙМАГОВОЙ: ИСТОРИЯ РОМАНА

И.Т. Цориева

70 лет назад вышел в свет роман Езетхан Уруймаговой «Осетины» – первая книга двухтомного романа-эпопеи, в последующем не раз переиздававшегося и вошедшего в национальную художественную культуру под названием «Навстречу жизни». В представленной статье рассматривается история создания произведения, отслеживаются основные этапы его написания – от возникновения замысла до его реализации. Отмечается большое участие в творческой судьбе Уруймаговой видных советских писателей Н. Тихонова и Ю. Либединского, оказавших профессиональную поддержку в период работы над рукописью романа и подготовки его к изданию. Книга, вышедшая в конце 1948 г., стала событием для национальных литератур Северного Кавказа не только по резонансу среди читателей, но и как первый русскоязычный роман писательницы-осетинки. За прошедшие десятилетия многие идеологические постулаты, являвшиеся частью мировоззрения автора, потеряли актуальность. Но неоспоримым остается факт: в осетинской культуре произведение Уруймаговой заслуженно признано одним из образцов историко-революционного романа осетинской советской литературы и знаковым явлением художественной традиции. Преждевременный уход из жизни Уруймаговой не дал осуществиться планам написания трилогии. Однако и сегодня роман в незавершенном виде воспринимается произведением широкого эпического плана, представляющим события революционной эпохи в тесной связи с социально-психологическим портретом осетинского народа и историко-культурным контекстом времени. Статья подготовлена по материалам переписки Уруймаговой, извлеченной из фондов РГАЛИ, Научного архива СОИГСИ, Архива Музея осетинской литературы и тематически связанной с работой над рукописью и изданием книги.

Ключевые слова: «Осетины», «Навстречу жизни», Езетхан Уруймагова, история осетинской советской литературы, русскоязычная осетинская литература, история в письмах.

2019 marks the 70th anniversary of the novel “Ossetians” by Ezetkhan Uruymagova – of the first book of a two-volume epic novel, which later was published more than once and became famous under the name “Towards Life”. The article deals with the history of creation of the work, traces its main stages – from conceiving the idea to its artistic implementation. Participation of famous Soviet writers N. Tikhonov and Y. Libedinsky in the creative destiny of E. Uruymagova is noted, as well as their professional support in the period of writing of the manuscript and in preparing it for publication. The book was published at the end of 1948 and became an event for the national literatures of the North Caucasus not only through resonating readers’ response, but also as the first novel by Ossetian authoress written in the Russian language. Over the past decades, many ideological postulates that were part of the author’s worldview lost their relevance. But one fact remains indisputable: in Ossetian culture E.Uruymagova’s book is deservedly recognized as one of the outstanding examples of the historical and revolutionary novel of Ossetian Soviet literature and as the phenomenon of artistic tradition. Untimely death prevented the writer from finishing this trilogy. However, even today, the novel in its unfinished form is perceived as big epic work, which represents the events of the revolutionary era in close connection with the socio-psychological portrait of the Ossetian people and with the historical and cultural context of the time. The article is based on the correspondence of E.Uruymagova. Her letters have been extracted from the funds of the Russian State Archive of Literature and Art, the Scientific Archives of North Ossetian Institute

for Humanitarian and Social Studies, the Archive of the Museum of Ossetian Literature and are thematically related to the work on the manuscript and on the publication of the book.

Keywords: "Ossetians", "Towards Life", Yezetkhan Uruymagova, history of Ossetian Soviet literature, Russian-language Ossetian literature, history in letters.

В ряду знаменательных юбилейных дат культурной жизни Осетии, отмечаемых в 2019 г., 70-летие со дня выхода в свет романа Езетхан Уруймаговой «Осетины», на первый взгляд, может показаться рядовым событием. Между тем, книга, впоследствии неоднократно переиздававшаяся под названием «Навстречу жизни», стала явлением послевоенной многонациональной советской культуры. Поскольку историко-революционная тема традиционно занимала в ней особые позиции, стремление автора художественным языком отобразить в национальных образах исторические и революционные события в Осетии начала XX в. было благосклонно воспринято властью и с интересом встречено читательской аудиторией.

История создания романа, впрочем, как жизнь и творчество осетинской писательницы Езетхан (Елизаветы Алексеевны) Уруймаговой, писавшей в основном на русском языке, были весьма примечательными. К моменту ее рождения в 1905 г. в семье бедного крестьянина Алимарзы Уруймагова было уже шесть дочерей, поэтому появление еще одной было воспринято как «сущее бедствие» [1, 9]. Впоследствии, будучи уже известной писательницей, в одном из писем мужу она с горечью писала: «...мои биографы требуют "неземных" сведений о моем детстве, юношестве. Ну что мне им рассказать о детстве?.. Отец, сгорбившийся над сохой, мать вечно в слезах, полунищая семья. Я – седьмая дочь в семье. Женщина без земельного надела. "Земля", "земля" – вот слово, которое, мне кажется, слышала с колыбели. Это слово в страшных муках

носило в нашей семье и в других таких же семьях, как наша. Оно было живое, осязаемое. Я чувствовала это слово так осязаемо. Я писателем стала, потому что слово "земля" слышалось мне повсюду» [2, письмо 7].

Очевидно, что нормы жизни традиционного осетинского общества, низкий уровень материального благосостояния семьи, принадлежность к сословию «бездородных» и «безземельных» определяли жизненные установки, способствовали утверждению нравственных убеждений и взглядов будущей писательницы. Значительное влияние на формирование творческого мировоззрения Уруймаговой оказали глубокие общественные трансформации периода советской модернизации конца 1920-х – 1930-х гг. Она принадлежала к той части национальной интеллигенции, которая искренне откликнулась на социально-политический заказ времени: изображать жизнь в ее «революционном развитии», воспитывать «человека новой социалистической формации». Декларировавшиеся идеологами соцреализма принципы партийности, идейности, классовости, требование изображать действительность в «социалистической перспективе» несли в себе вполне конкретный идеологический заряд, не вызывавший у писательницы внутреннего отторжения. Ее творчество было проникнуто духом классовой непримиримости, ненависти к «старому миру несправедливости и угнетения».

Первая «проба пера» Езетхан Уруймаговой состоялась в середине 1920-х гг., во время учебы в Окружной опытно-показательной школе при Горском педа-

гогическом институте. В 1925 г. в издававшемся учащимися школы журнале «Эвзонг Ирыстон» («Юная Осетия») был опубликован рассказ «1919 год. (Из дневника)». З.Н. Суменова связывала с этим рассказом, «еще очень несовершенным, но искренним» [1, 19] замысел ее будущего романа.

В 1932 г. Уруймагова окончила литературное отделение Горского педагогического института в г. Орджоникидзе и вскоре вслед за мужем Порфирием Константиновичем Скорняковым, слушателем Артиллерийской академии РККА уехала в Ленинград. Суровые будни гарнизонной жизни, каждодневные домашние хлопоты замужней женщины, забота о маленьких детях оставляли мало времени для творчества. К тому же никто не принимал всерьез ее желания писать; близкие посмеивались над ее «странной страстью писать, да вдобавок по-русски» [3, 281]. Но, пожалуй, именно в это время окончательно оформилось ее осознанное желание посвятить себя литературному труду.

Уруймагова участвовала в работе литературного кружка Академии, в состав которого входили слушатели учебного заведения и их жены; писала рассказы, заметки в местную газету «Дзержинец». В апрельском номере (1934 г.) газеты был опубликован отрывок из ее повести «Чинаровая роща» о событиях гражданской войны в Осетии. Публикация сопровождалась пометкой: «Перевод с осетинского языка». В том же номере, в заметке «О нашем литературном кружке» отмечалось, что автору «удалось в прекрасных художественных образах нарисовать горскую природу, аул, показать некоторые бытовые особенности горцев» [4, 219-220]. Вероятно, тогда же сложилась идея написания романа-эпопеи, который должен был

отразить исторические события начала XX столетия, периода революции, гражданской войны, утверждения советской власти и осуществления социалистических преобразований в 1930-е гг. в Осетии.

Реализация огромного замысла требовала от начинающего автора не только большого желания, таланта и кропотливого каждодневного труда. Не менее трудным было преодоление косности среды, неверия окружающих. «Ты не мешал мне “пачкать бумагу”, – писала Уруймагова мужу в 1952 г., – но не верил в реальность моих писаний. Теперь мне верят, и я себе верю...» [2, письмо 12]. Уверенность пришла к ней после успеха «Осетин» и переиздания романа в 1951 г. в Госиздате СО АССР и в издательстве “Советский писатель” в значительно доработанном виде и под новым названием “Навстречу жизни”. Однако в начале выбранного творческого пути приходилось доказывать свою профессиональную состоятельность, причем не только окружающим, но и себе. Начинаящая писательница, мучимая сомнениями, не обладавшая должными профессиональными навыками, нуждалась в моральной поддержке, в совете более опытного товарища, способного направить, помочь в работе. Таким человеком оказался Николай Тихонов

Встреча с известным советским писателем, хорошо знавшим, любившим историю и культуру народов Кавказа и официально (как член Союза писателей СССР) курировавшим национальные литературы, состоялась зимой 1935 г. Общий замысел романа, прочитанные отрывки из рукописи произвели на него благоприятное впечатление. Позднее он вспоминал: «Эта хрупкая на вид осетинка хотела поднять огромную тяжесть народного романа. Она хотела изобразить жизнь осетин за целые

десятилетия. Она читала очень убедительно, и во время чтения я не обращал внимания на ее своеобразный русский язык, не запоминал неудачные места, мне хотелось слушать еще и еще – так увлекателен был рассказ, так драматично, искренне, сильно говорили и действовали выведенные ею люди» [3, 279]. На прощание Тихонов дал Уруймаговой совет, которому она следовала на протяжении своего короткого творческого пути: «Продолжайте писать по вашему плану, по вашему разумению... Не показывайте никому, не читайте, не советуйтесь ни с кем. Только с собой – все решайте сами. Пусть никто не спугнет неожиданную мысль, не смутит вашу направленность. Тем более что быт Осетии, жизнь народа мало кто знает так, как знаете вы. <...>. Если вам понадобится, в крайнем случае, совет, пишите мне. Я отвечу обязательно, потому что вижу – из вашей работы выйдет большой толк...» [Там же].

История отношений Николая Тихонова и Езетхан Уруймаговой достаточно подробно описана литературоведом Д.А. Гиреевым [5], что избавляет от необходимости подробного освещения этого чрезвычайно интересного и плодотворного человеческого и творческого содружества. Отметим лишь, что Тихонов на всю жизнь стал для осетинской писательницы добрым другом и влиятельным наставником. Она не стеснялась делиться с ним своими проблемами и переживаниями: «... очень часто мне приходится корыто с грязным бельем оставлять, чтобы набросать на бумагу свои мысли, кухня, стирка белья, штопка чулок отнимают у меня 60 процентов моего времени, поэтому не ругайте меня, что я так медленно работаю...» [3, 281]. Тихонов не ругал ее, «только удивлялся силе ее воли, ее упорству» [Там же].

Накануне войны, а затем в послевоенные годы, когда рукопись первой части трилогии, наконец, была представлена автором в окончательно доработанном виде, он активно помогал в том, чтобы ее приняли к публикации в «Советском писателе». В письме Уруймаговой (август 1947 г.) он писал: «Я горячо приветствовал Вашу неутомимость и железную волю, которые дали Вам силу работать в самые трудные годы над произведением столь сложным и трудным и победить... Пришлите мне Ваш роман, и я снова, засучив рукава, буду его устраивать в жизнь» [5, 319].

Первоначальный вариант рукописи романа был готов еще в начале 1941 г. Тогда же по рекомендации Тихонова Уруймагова обратилась к Юрию Либединскому¹ с просьбой выступить литературным редактором ее труда. Встреча состоялась в мае 1941 г. в Москве, в квартире писателя. Он так описал свое впечатление от ее визита: «Она была в светлом, строгого покроя костюме, придававшем ей облик современной женщины. Лицо же было древнее, словно вырезанное из камня, – такие профили можно видеть на камнях: прямой нос продолжал линию лба, но в глазах, по-женски привлекательных, в той готовности к улыбке, которая сказывалась в складке рта, присутствовала веселая бойкость...» Дева-воительница из нартских сказаний вступила в комсомол», – подумал я» [6, 396]

Пожалуй, такое же двойственное впечатление произвела оставленная рукопись. Удивил «странный русский! Русский словарь и совершенно своеобразный синтаксис, – все, казалось, было не на месте... Но скоро я забыл обо всем, поглощенный яркими картинками, встававшими передо мной. Не только душа писателя, как это бывает при чтении всякой талантливой кни-

ги, – душа целого народа, доселе незнакомаго, открывалась передо мной» [6, 396-397].

При следующей встрече Либединский все же не мог не выразить удивления по поводу выбора языка повествования. Ответ его убедил: «... сама чувствую – расставляю русские слова по-осетински. А все-таки писать буду по-русски, вы уж поправляйте меня... Судьба моя странная. Семнадцати лет полюбила я русского человека, тогда он был молоденький краском, теперь уже заслуженный военный. Всю жизнь с ним живу я среди русских, и когда пишу, то словно рассказываю русским людям о своем маленьком народе. Как могу я рассказывать не на русском языке?! Так наивно, но с правдивой горячностью была сформулирована творческая задача, и можно ли было оспаривать эту задачу?» [6, 398]

После некоторых изменений, внесенных в рукопись по совету редактора, при участии Николая Тихонова начались хлопоты, связанные с публикацией романа в издательстве «Советский писатель». Либединский со своей стороны также обещал оказывать посильное содействие.

Начавшаяся война нарушила планы. Уруймагова была вынуждена уехать с семьей из Москвы сначала в Осетию, а затем в Азербайджан. Жила в военном городке на станции Баладжары, работала в детском доме, преподавала русский язык в железнодорожной школе, сотрудничала с красноармейской газетой «На страже» [1, 31]. Но желание довести до конца работу над романом не покидало, и в конце войны она вернулась к своему детищу. На ее решение особенно повлияла встреча в Москве в 1944 г. с Тихоновым. Он убедил ее в необходимости продолжать писать: «Не бросайте работу над романом, скоро кончится

война, вернется человек к мирной жизни, и нам нужны будут книги, много книг о всех народах» [5, 318].

Вдохновленная авторитетной поддержкой, с новым жизненным опытом, новыми идеями и впечатлениями Езетхан Уруймагова, приступила к работе над романом. После войны она снова обратилась за помощью к Юрию Либединскому. В письме от 4 октября 1945 г. она напоминала писателю: «Перед войной я виделась с Вами последний раз на квартире, кажется, родственников Вашей жены. Вы обещали мне тогда (это был май 1941 года) поработать над моей рукописью. Теперь я молю провидение только об одном – чтобы рукопись моя случайно сохранилась. Если действительно рукопись сохранилась, то прошу Вас, дорогой Юрий Николаевич, не полнитесь мне ответить, если она цела, то сообщу Вам адрес, по которому можно передать в Москве» [7, 1].

Полученные известия были неутешительны. 5 января 1946 г. Либединский с сожалением писал: «Должен с самого начала этого письма Вас огорчить: рукописи Вашей нет ни у меня, ни в издательстве. Мне кажется, память Вам изменяет: по-моему, увезли рукопись с собой, чтобы ее дорабатывать... Если же Вы правы, и память изменяет мне, а не Вам, и рукопись действительно оказалась перед войной у меня..., то положение с ней совсем печально: значит, она погибла вместе с нашей библиотекой и значительным количеством моих рукописей, оставшихся на даче в Переделкино, где во время войны мы отсутствовали». В то же время он советовал не отчаиваться: «Неужели у Вас нет второго экземпляра или черновика рукописи? Нужно сделать все, чтобы ее восстановить, и я убежден, что это Вам удастся. Повесть Ваша талантлива и своеобразна. Она будет событием в литературе» [8, 1].

Вспоминая содержание рукописи, Либединский замечал, что вторая часть (где появлялся Киров) написана слабее, и советовал писательнице, если она будет восстанавливать утерянную рукопись, сделать сначала первую часть, как отдельное законченное произведение, ограничив себя пятью, семью листами (не более 150 страниц на пишущей машинке). И делать обязательно два экземпляра: «если один пошлете в Москву, то другой оставьте у себя во избежание происшествий, подобных случившемуся. Во всех Ваших творческих делах можно рассчитывать на меня» [Там же].

Архивные документы (письма, телеграммы, договоры с издательствами, черновики рукописей и др.), отложенные в фондах Российского государственного архива литературы и искусства, Научного архива СОИГСИ, Музея осетинской литературы, воспоминания Н. Тихонова и Ю. Либединского свидетельствуют о плодотворном сотрудничестве двух творческих личностей. В течение последующих полутора лет Уруймагова в содружестве со своим литературным редактором напряженно, кропотливо, несмотря на особенности «кочевой» жизни семьи военнослужащего и трудности материально-бытового порядка, свойственные послевоенной повседневности, работала над рукописью первой книги романа-эпопеи.

К лету 1947 г. серьезный труд был завершен. В начале июля того же года законченная рукопись была принята в производство Северо-Осетинским государственным издательством. «Пишу на радостях, – сообщала писательница Тихонову, – рукопись мою приняли, заключила договор с издательством, увижу воплощенную мечту» [3, 288]. Тогда же Уруймагова делилась радостной вестью с дочерью: «10-го приезжает Юрий Николаевич (Либединский. – И. Ц.), мне

хочется с ним еще повидаться. Мои дела очень благоприятны, сверх ожидания. Договор заключила. Театр требует пьесу² – я обещала. Жду получения денег» [2, письмо 1]. Одновременно обсуждался вопрос о публикации книги в издательстве «Советский писатель». Накануне 800-летних юбилейных торжеств в честь азербайджанского поэта и мыслителя Низами Гянджеви, намеченных на сентябрь 1947 г. в Баку, Уруймагова, ожидая приезда Либединского, просила: «Рукопись мою “чистую” постарайтесь захватить. Н.С. (Тихонов. – И.Ц.) пишет, чтобы я послала рукопись, и, дескать, “буду, засучив рукава, устраивать”. Он написал мне хорошее письмо. Хочет издавать книгу в Москве» [7, 3].

Между тем работа над рукописью в местном издательстве, по мнению писательницы, затягивалась. В письме от 10 января 1948 г. она делилась своим беспокойством с Либединским: «О романе своем ничего не знаю. Джатиев³ осенью был все время не в духе. И я решила к нему до тех пор не ходить, пока он не разыщет меня через милицию. Может Вам что-либо известно о сроке выхода из печати, или может раздумали его печатать?» [7, 5]

В этот период дружеское участие, проявляемое со стороны близких, друзей, коллег, было чрезвычайно важно для Уруймаговой. Бытовая неустроенность, постоянные переезды вслед за мужем, накопившаяся усталость от «цыганского образа жизни» («пятнадцать лет кочую за ним из одной казармы в другую», – писала она в одном из писем Тихонову [3, 281]), болезни свои и близких, другие обстоятельства серьезно влияли на темпы ее писательской деятельности и истощали силы. Она тяжело переживала невозможность всецело посвятить себя работе над романом. В письме дочери делилась свои-

ми переживаниями: «...я стала просто хорошая кухарка (только ворчливая)... Писать, писать надо, а я не пишу. С утра с харчами и уборкой, потом устаю и сплю. Да надо и зашить, подшить, пришить. Вот издательство торопит с рассказами⁴, а они у меня еще не сделаны. Вообще ужасная трата золотого времени» [2, письмо 3].

Либединский был одним из тех, кто оказывал большую поддержку писательнице. Он не только помогал в литературной обработке и редактировании текстов рукописи, содействовал в решении организационных вопросов, в преодолении бюрократических препон, налаживании взаимодействия с издательствами, но и щедро делился сердечным теплом, морально подбадривал, настраивал на рабочий лад [6, 403; 7, 5].

Вскоре, верстка романа была готова. В письме дочери, отправленном из Дзауджикау 4 марта 1948 г., Уруймагова писала: «Гранки романа просмотрела. Вся твоя мама – натянутая струна» [2, письмо 2].

Из печати «Осетины» вышли в конце 1948 г. двадцатитысячным тиражом, а в начале 1949 г. появились на прилавках книжных магазинов и стали достоянием рядовых читателей, исследователей, литераторов.

Ко времени выхода в свет книги традиция историко-революционного романа в осетинской художественной культуре уже представляла собой сложившееся явление. Осетинская романная проза, зародившаяся в 1920-е – 1930-е гг., по мнению специалистов, отвечала насущной потребности общества в концептуальном осмыслении произошедших в нем перемен. Она обеспечивала возможность углубленного и целостного воспроизведения эпохи и человека в их живом и противоречивом единстве. Не удивительно, что зарожде-

ние крупной формы в осетинской литературе происходило в рамках исторического повествования, а именно в жанре историко-революционного романа, и было связано с темой пробуждения самосознания народных масс [9, 113].

К 1940-м гг. признанными образцами историко-революционного романа были «Шум бури» Коста Фарниона, «Разбитая цепь» Барона Боциева, «Ахсарбек» Дабе Мамсурова, «Надежда» Тазе Бесаева. Появление нового жанрового романа было встречено с некоторым «цеховым» предубеждением. Чувство неприятия подпитывало то, что Езетхан Уруймагова была первой осетинской писательницей, которая сразу заявила о себе в качестве автора литературного произведения столь крупной формы, как роман. Ее творческая заявка вызвала естественное раздражение в «мужской» писательской среде Осетии [7, 5].

Но гораздо более серьезными были претензии к выбору языка, на котором был написан роман. Как известно, в осетинском литературоведении по настоящее время дискутируется вопрос о том, можно ли считать литературное произведение, созданное на русском языке и тематически связанное с осетинской историей, частью осетинской литературной традиции. Точку зрения сторонников признания наличия *русскоязычной* осетинской литературы, требующей к тому же защиты, обосновывает писатель и литературовед И.С. Хугаев. Для него русскоязычная осетинская литература – это «объективное явление мировой литературной истории, обладающее своим индивидуальным и неповторимым генетическим кодом», «органическое явление осетинской культуры и произведение осетинского духа, осетинского мироощущения и мировоззрения». Оппонируя

Н.Г. Джусойти, он отмечает: «И даже если ”русскоязычное творчество нельзя рассматривать как *необходимое* звено в развитии осетинской литературы”..., то нам ничто не мешает рассмотреть его как *возможное* звено и компонент осетинской литературной истории и культуры» [10, 3-4].

Следует подчеркнуть, что в конце 1930-х – начале 1950-х гг. в официальной печати эта тема в контексте новой культурной парадигмы, нацеленной на формирование новой социальной и интернациональной общности – советский народ с общегосударственным (русским) языком как средством межнационального общения [11, 237], не обсуждалась. Более того, русский язык, в частности, в национальных автономиях РСФСР наряду с отказом от политики «коренизации», был ориентирован на все более значимую роль в общественной и культурной жизни.

В целом исследователи и рецензенты довольно благожелательно восприняли выход романа. Они приветствовали появление в осетинской советской литературе нового большого эпического произведения, называли его крупным событием в культурной жизни Осетии, отмечали реалистичность изображения в нем жизни осетинского села начала XX в., характеризовали автора как настоящего художника с богатым запасом творческих сил и жизненного опыта. Вместе с тем, наряду с признанием художественных достоинств произведения, высказывались замечания по поводу некоторых этнографических деталей, языка и стиля романа. Политические цензоры при анализе содержания романа в свою очередь находили в нем недостатки и просчеты идеологического характера. В частности, автору вменяли в вину упрощенное представление революции 1905 г. в Осетии, изображение

крестьянского движения как стихийного, не направляемого революционными силами [1, 38-39].

Писательница резко отвергала нападки критиков. Отстаивая авторскую позицию, она заявляла, что не желает подстригать роман «по вкусу каждого критика». В одном из писем по поводу публикации в «Литературной газете», посвященной ее роману, замечая, что для нее в статье есть много лестного (сравнение ее образов с горьковскими), она писала: «Считаю, что статья в основном верная, но формальная, по усвоенному стандарту. Некоторые наши критики усиленно стараются вогнать нашу прозу в однотипные рамки, стараются подстричь под одну моду, считаю, что это невозможно» [2, письмо 12].

Для Уруймаговой, в частности, выбор языка ее произведения всегда был принципиально важен. В 1948 г. она писала Тихонову: «Двадцать лет – больше с тех пор прошло, как я мечтала написать книгу об осетинах, но только на русском языке. Четверть того, о чем мечталось в юности, я сделала» [3, 289]. Однако ее «русский язык» всегда вызывал у редакторов и рецензентов, читавших рукописи, большие нарекания. В начале 1950 г., когда активно шел подготовительный процесс к изданию романа в «Советском писателе», она услышала немало весьма нелицеприятных замечаний по поводу грамматических и стилистических погрешностей в рукописи. Она признавала их справедливость: «...я мыслю по-осетински, поэтому может для русского читателя кое-что и не так звучит». В то же время считала, что именно для исправления авторских ошибок «в издательствах и сидят редакторы и корректоры, за это им платят деньги» [2, письмо 13].

Автор также решительно не соглашалась с критикой рецензентов, ука-

зывавших на излишнюю перегруженность текста описанием обычаев, быта, законов адата. В ответ на присланные в июне 1950 г. из издательства рукопись и рецензию, она едко замечала: «Соловьев (рецензент. – И. Ц.) хочет сделать из Осетинского романа Рязанский роман, который едва ли осетинский народ захочет признать. <...> Роман относится к 900 году и автору необходимы все эти адаты, обычаи и законы. Соловьеву это кажется “излишней скрупулезностью”, а мне кажется, что Соловьев с бытом осетин познакомился только по моей рукописи» [Там же].

Уруймагова не смирялась с тем, что редакторы и рецензенты постоянно работали «с оглядкой» на политическую цензуру, проявляли подчас чрезмерную осторожность. В связи с этим она замечала: «Может быть, Соловьев и очень талантливый редактор, но крайне трусливый человек. Боясь того, чтобы “как бы чего не случилось”. Он рубит направо и налево, считает, что лучше уж выхолостить роман Уруймаговой, не оставить в нем ничего оригинального, самобытного, чем он получит какой-нибудь упрек, как редактор. В таком случае я предпочитаю лучше не издавать такой книги, которой никто не захочет читать» [Там же].

Беспокоясь за судьбу рукописи, она снова обратилась к Либединскому: «Я очень хочу, чтобы Вы довели до конца работу над моим романом. Когда-то, когда роман представлял из себя сплошной хаос, Вы были так храбры, что не испугались. Кузьма Яковлевич⁵, по-видимому, не против» [7, 9-10]. В итоге Либединский согласился выступить редактором нового издания романа. И в 1951 г. в значительно доработанном, сюжетно и образно расширенном виде, первая книга романа-трилогии под новым названием «Навстречу жиз-

ни» вышла в «Советском писателе». В том же году новый вариант книги был напечатан Северо-Осетинским книжным издательством.

Роман осетинской писательницы быстро завоевал сердца читателей. Об этом свидетельствовали многочисленные письма, приходившие на имя автора со всех концов страны: из Алушты, Архангельска, поселка Банное (Украина), Владивостока, Иркутска, Киева, Краснодара, Москвы, Мурманска, Новороссийска, Самарканда, Свердловска, селения Уркарах ДагАССР и т.д. Писали люди разных возрастов и профессий. Юристы, врачи, педагоги, шахтеры, ученые, библиотечные работники, военнослужащие, студенты делились впечатлениями от прочитанной книги, благодарили автора за радость общения с его искусством, интересовались дальнейшей судьбой героев, часто спрашивали: «Где можно купить книгу?», «Когда выйдет продолжение?» [12; 13]. Уже в марте 1949 г., сразу после выхода «Осетин» Уруймагова писала дочери: «Получаю от читателей много писем – отзывы восторженные» [2, письмо 5].

Книга быстро разошлась. В библиотеках выстраивались очереди из желающих ее прочитать. В Северо-Осетинское книжное издательство, в Книготорг, в отделение Союза писателей и автору поступали запросы библиотек и читателей с просьбой выслать экземпляр. «Я прочла Вашу книгу “Осетины”, очень мне понравилась эта книга, – писала одна из читательниц, – до этого времени не приходилось мне прочесть книги из жизни осетинского народа, и я читала, переживала вместе с героями “Осетинов”, все в романе такое близкое... Я и мои знакомые всюду расспрашивали: нет ли изданного продолжения этой книги, но кто же нам мог ответить? И вот 2-й Всесоюзный съезд советских

писателей (1954 г. – И. Ц.). И из выступления тов. Цагараева М. я узнаю о Вас! Узнаю, что Вы есть, что есть и другие книги, написанные Вами, читая выступление т. М. Цагараева о Вас, я как будто прочла о успехах хорошо знакомого, близкого человека... Дорогая Елизавета Алексеевна! Если Вы написали продолжение книги “Осетины” – значит оно издано? Прошу, вышлите наложенным платежом, или еще как-либо эту книгу мне» [12, письмо 12].

Особый интерес к творчеству Уруймаговой проявили на ее «малой родине» – в Дигоре. Роман читали внимательно, «с пристрастием». Здесь состоялась одна из первых и самых многоядных читательских конференций. Библиотека не вместила всех желающих – на встречу пришло почти все взрослое население села. Это не была обычная читательская конференция. «Автору пришлось нелегко. Многие хвалили ее: это большей частью те, которые считали себя родственниками положительных героев. Но на собрание явились и предполагаемые родственники отрицательных героев. Эти требовали от писательницы ответа» [14]. Попытки оправдаться перед обиженными односельчанами, объяснить (возможно, несколько лукавя), что это художественное произведение, и герои в нем вымышленные, что они являются плодом воображения художника, что любые совпадения с характерами, поступками некогда реально живших людей случайны, никого не убеждали. Читатели отказывались воспринимать героев романа как просто литературных персонажей. Впрочем, звучали и справедливые упреки в том, что некоторые из этих персонажей, выведенные автором под именами реально существовавших лиц, еще живых в памяти людей, не соответствовали историческим прототипам

ни по своему внешнему облику, ни по своей внутренней сути. Горячность, с какой обсуждали сюжетные перипетии, искали и находили в реальной жизни прототипов художественных образов, лишь подтверждала успех романа. «Его хвалили, ругали, о нем просто спорили – равнодушных не было» [1, 36].

Внимание читающей публики, в целом благожелательное отношение литературных кругов и, наконец, политических кураторов воодушевляли писательницу. С новыми силами она вернулась к работе над второй книгой трилогии, в которой должны были найти отражение события предреволюционной и революционной эпохи, в том числе связанные с деятельностью С.М. Кирова на Кавказе. Решая сложную идеологизированную задачу, она выступала не только как художник, но и как серьезный исследователь. Встречалась с участниками и очевидцами описываемых событий, изучала периодическую печать, работала в архивах Северной Осетии и соседних республик. Вынужденное соблюдение политических норм, конъюнктурных установок конца 1940-х – начала 1950-х гг. значительно усложняло творческую задачу автора. Тем не менее, в письмах она не раз замечала: «вторая книга будет еще лучше» [2, письма 10, 12].

Но жизнь Уруймаговой была наполнена не только творчеством. Много времени и сил отнимала необходимость постоянно решать свойственные послевоенной повседневности бытовые проблемы с ее бедностью и тотальным дефицитом, заботиться о тяжело страдавшем от малярии сыне, ездить в творческие командировки, выполнять «общественные поручения» и т.д. Тем не менее, она продолжала настойчиво работать.

Вскоре после выхода в свет перво-

го издания романа в 1949 г. она писала дочери: «Работаю я сейчас по-волчьи. Эткими темпами я, пожалуй, сдам к осени, к концу года 2-ю книгу. Сейчас я гораздо смелее и «сильнее». За месяц прочла много хороших книг, поучилась смелости, чего мне не хватало, особенно с историческим материалом... Я написала уже очень большую главу – фундамент. С большими обобщениями того, что развернется дальше... Через несколько дней приступаю к Кирову, представь, не боюсь, но волнуюсь, волнуясь, будто я буду разговаривать с ним, ходить к нему. Сейчас в моей работе такая стадия, когда просто нужно время...» [2, письмо 4].

Но нужного времени для Езетхан осталось мало. Стали проявляться симптомы тяжелой болезни. В марте 1950 г. она писала дочери: «Не хочется пока умирать. Ведь еще ничего не сделано, а сил еще так много, творческие возможности неиссякаемые, вот и хочу жить, чтоб оправдать свою жизнь» [2, письмо 6]. Она продолжала упорно трудиться над рукописью, разрабатывать сюжетные линии, которые должны были стать частью трилогии. Одновременно сотрудничала с Госиздатом, вела редакторскую работу.

В 1951 г. по поручению обкома ВКП(б) в связи с подготовкой к неделе литературы и искусства в Москве она приступила к написанию новой пьесы «На восходе»: «С Москвы строгий приказ – сделать пьесу о Кирове. Ответственно, но почетно. Удастся пьеса, легче будет мне и в книге II-й с образом Кирова» [2, письмо 7].

Надежды не оправдались. Написанная пьеса была направлена на экспертизу в Институт Маркса, Энгельса и Ленина и получила отрицательный отзыв. Автору вменили в вину искажение исторических событий на Тереке, иг-

норирование деятельности Владикавказской большевистской организации, «помощи русского народа трудящимся горцам», неверное изображение Кирова и Орджоникидзе [15, 400-401]. Переделка пьесы отняла много времени и сил. «Переписываю пьесу..., – писала Уруймагова в июле 1952 г. мужу. – Я уже ненавижу не только мою пьесу, а все пьесы на свете». «Семь вариантов одной пьесы – это семь пьес. Скажи, разве я не могла за это время (при такой интенсивности) написать еще два романа?» [2, письма 10, 11] Всего до осени 1952 г. было создано восемь вариантов пьесы. Но усилия были тщетны – ни один вариант не был принят идеологическим отделом обкома ВКП(б)⁶ [1, 42]. Уруймагова была морально подавлена, тем не менее, попыталась вернуться к рукописи второй книги трилогии.

В 1953 г. семья переехала из Баладжар в Москву. Новая обстановка, забота о родных, состояние здоровья – все это не давало в полную силу отдаться творчеству. В записной книжке от 5 января 1954 г. сохранилась запись: «Прошло уже пять месяцев, а еще к письменному столу не присела... Все на мне лежит – и хозяйство, и забота о детях, вообще вся бытовая чехарда...» [1, 44] И все же Езетхан урывками продолжала работать. Однако прогрессирующая болезнь оставляла все меньше надежд, что удастся реализовать в полном объеме первоначальный замысел романа-эпопеи в трех книгах. В начале 1955 г. ее состояние резко ухудшилось. Уруймагову привезли в г. Орджоникидзе, где 15 мая 1955 г. она скончалась.

В возрасте 50 лет оборвался диалог Езетхан с жизнью, навстречу которой так страстно и вдохновенно писательница стремилась в своем творчестве в отведенные ей недолгие годы. Уже после ее смерти, в 1956 г. увидела свет

вторая часть романа «Навстречу жизни». Подготовка издания велась с рукописи, которая по существу была черновой, незавершенной. Поэтому избежать противоречий, пробелов и ошибок не удалось. И все же выход второй книги романа был воспринят с читательским одобрением и признательностью.

После первых изданий 1948–1950-х гг. роман «Навстречу жизни» уже в 2-х томах публиковался еще не раз. В национальной культуре Осетии он заслуженно признан одним из образцов историко-революционного романа осетинской

советской литературы и знаковым явлением художественной традиции. «Одной жизни не хватило на выполнение огромного замысла. Но то, что сделано, – тоже много для одной жизни...», – так Тихонов оценил творческий путь Езетхан Уруймаговой [3, 296]. Сегодня и в незавершенном виде роман воспринимается произведением широкого эпического плана, в котором события революционной эпохи представлены в тесной связи с социально-психологическим портретом осетинского народа и историко-культурным контекстом времени.

Примечания

1. Либединский Юрий Николаевич (1898–1959) – русский советский писатель, журналист. В 1948 г. в его переводе изданы «Осетинские нартские сказания». Он также переводил и редактировал многих кавказских писателей.

2. Пьеса «Враги» в 4-х актах была написана на основе материалов романа «Осетины» для Северо-Осетинского драматического театра. Премьера с успехом прошла 10 мая 1948 г. Уруймагова писала Либединскому: «Говорят, что на нашей осетинской сцене еще ничего подобного не было. Из-за того, что я плохо знала законы сцены, пьеса получилась оригинальная (мнение критики). Обком хвалил. Предложили мне 2-хмесячную творческую командировку по колхозам, чтоб я написала (сугубо) оптимистическую пьесу о колхозах» [7, 5]. В архивах сохранились черновые варианты пьесы «Завидная невеста». Однако она не была поставлена.

3. Джатиев Тотырбек Исмаилович (1910–1984) – осетинский писатель. С 1945 по 1949 г. редактировал журнал «Мах дуг» и альманах «Советская Осетия», являлся директором Госиздата и начальником Управления полиграфиздата при Совете Министров СО АССР.

4. В 1951 г. в Северо-Осетинском издательстве был напечатан сборник рассказов «Самое родное». В него вошли 10 произведений.

5. К.Я. Горбунов – зав. редакцией русской советской литературы издательства «Советский писатель».

6. Премьера пьесы состоялась уже после смерти автора – 1 декабря 1955 г. в Северо-Осетинском драматическом театре.

1. Суменова З.Н. Езетхан Уруймагова. Жизнь и творчество. Орджоникидзе, 1982.
2. НА СОИГСИ. Ф. 53 (литер.). Оп. 1. Д. 19. Пап. 1.
3. Тихонов Н.С. Двойная радуга // Собрание сочинений в 7-ми тт. М., 1986. Т. 5.
4. Езетхан Уруймагова. Седьмой сын. Орджоникидзе, 1965.
5. Гиреев Д.А. Н. Тихонов и Е. Уруймагова // Творчество Николая Тихонова. Исследования и сообщения. Встречи с Тихоновым. Библиография / Под ред. В.А. Ковалева и В.А. Шошина. Л., 1973. С. 316-324.
6. Либединский Ю.Н. Современники. Воспоминания. М., 1961.
7. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 1099. Оп. 1. Ед. хр. 988.
8. РГАЛИ. Ф. 1099. Оп. 1. Ед. хр. 580.
9. Мамиева И.В. Генезис, структура и национальная специфика осетинского историко-революционного романа // Известия СОИГСИ. 2019. Вып. 27(66). С. 112–127.
10. Хугаев И.С. Генезис и развитие русскоязычной осетинской литературы. Владикавказ, 2008.
11. Вдовин А.И. Русские в XX веке. Трагедии и триумфы великого народа. М., 2013.
12. НА СОИГСИ. Ф. 53 (литер.). Оп. 1. Д. 19. Пап. 3.
13. Музей осетинской литературы. Ф. 51. Кор. 5/8. Пап. 6.
14. Социалистическая Осетия. 1950. 1 сентября.
15. Цориева И.Т. Культура Северной Осетии во второй половине 1940-х – первой половине 1980-х гг. Владикавказ, 2014.